

Annotation

Мало того, что на работе подставили, а парень изменил, так в жизни начала твориться какая-то чертовщина - таинственное письмо обещает встречу с давно пропавшей матерью... в другом мире! Найти портал в родном городе - полдела, а вот чтобы починить его, придется не только подружиться с духом вредного, пусть и очень симпатичного мага, но и заключить с ним сделку. А заодно разобраться со скелетами в мужском шкафу. В буквальном смысле!

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Рыжая Ехидна

Приглашение с подвохом

Глава 1

– Ну, наконец-то я до тебя дозвонилась, Женька! Опять телефон барахлит?

Обычно веселый голос близкой подруги был пропитан обеспокоенностью. В душе засвербело чувство вины: отпуск был столь

«радужным», что моё очередное исчезновение с радаров заставило Наташку

нервничать.

– Извини, Нат. Я просто забыла отключить авиа-режим. Долетела хорошо, без приключений. Не переживай.

– Удивительное везение, – фыркнула она, а я в ответ только улыбнулась в трубку. – Ладно, потом мне все расскажешь о своих приключениях, – она никогда не умела долго злиться на близких, к коим я себя причисляла. Вот только бастионы пали слишком быстро. Предчувствие не обмануло – следом прозвучала коронная фраза, за которой непременно идут плохие новости: – Женечка, тут такое дело...

С того момента, как Петр Валентинович ушел на пенсию и передал управление компанией своему сыну, этот набор слов я слышу слишком часто. То «Женечка, тут такое дело, тебя и твой отдел собираются лишиться квартальной премии», то «...забудь о повышении», то «Это Алина Игоревна, прошу любить и жаловать!».

В последний раз этой фразой был прерван мой первый за многие годы отпуск, что не успел толком начаться. Уже спустя неделю позвонила подруга и огорошила новостями: Алина запорола сделку с крупнейшим застройщиком, шеф в ярости, ты должна урегулировать вопрос. Прекрасно! Испортила все дочка босса, а исправлять мне.

И вот опять. Не успела я мысленно приготовиться к очередной гадости, как голос подруги тонет в оглушающих звуках – сзади засигналили другие машины. Пятница, конец рабочего дня и удушающая жара знойного лета – еще бы не собраться пробкам. И, конечно, стоило мне на секунду отвлечься, как эта самая пробка чудесным

образом рассосалась, а моя машина стала причиной затора.

– Что, шеф рвет и мечет? – возвращаюсь к беседе, как только вырulingваю на узкую улочку, ведущую к офису. – Скажи, что я скоро буду. Уже почти на месте.

– Ну так я тебе по этому поводу и звоню! Планы изменились, так что из аэропорта езжай сразу домой. Игорь Петрович отправился на какую-то важную встречу, сказал не ждать обратно. Так что приходи в понедельник, лучше к обеду. Сама знаешь, по утрам он злой как черт. Я тоже уже ушла из офиса, стою у подъезда. Увидимся вечером?

Ну, ну, важная встреча. Вечером в пятницу! По нервам полоснуло раздражение – мы ведь договорились! Но Наташка тут ни при чем, так

что я просто глубоко вздыхаю, возвращая себе спокойствие.

– Во сколько тебя ждать?

– Потом решим, хорошо? Мне пора.

Уже что-то. Наталья хотя бы введет меня в курс дела – что нового в офисе за три недели моего отсутствия? Выясню, что там с Алиной

и «Октавой», а к понедельнику я уже буду во всеоружии.

Антону решила не звонить – будет ему сюрприз. Пожалуй, это единственный положительный момент в сложившейся ситуации – я успела невероятно соскучиться. Вернуться должна была почти через неделю, но отпуск изначально пошел через... В общем, не задался. Может, и к лучшему, что мужчина со мной на острова не полетел. Пожалуй, стоит извиниться, зря я тогда с ним спорила по этому поводу. К тому же, сейчас он болеет и после работы отсыпается с градусником под мышкой. Тот ещё трудоголик. Нет чтобы сходить в поликлинику и взять больничный. Вместо этого он будет закидываться горстями таблеток, но продолжит работать. Петр Валентинович ему за такое уже по шее бы настучал – и сам не лечится и других заражает. Но бывший начальник, к сожалению, на пенсии, а у нового свой девиз.

И в снег и в зной, и дождик проливной. Гори хата огнем, но работа должна стоять на первом месте! Кажется, Антон стал любимчиком нового начальства – перерабатывал и постоянно засиживался допоздна в офисе, что меня подбешивало.

Я была полностью сосредоточена на дороге, но, проезжая мимо знакомого здания боковым зрением уловила какой-то диссонанс. Что-то неправильное. Уже через секунду с языка срывается растерянное:

– Какого черта?

Парковка у офиса почти пустынна. Почти, если не обращать внимания на знакомый мини-купер Наташки, которая якобы уже дома. У главного входа припаркован гробоподобный лексус владельца компании, которого тут тоже быть не должно, ведь он уехал на важную встречу и возвращаться не планировал, а в его тени прячется спортивная ауди Алины. И на своём привычном месте серый форд Антона.

Внутри словно пружина сжимается, а сердце замедляет ход, потому что близкая подруга мне только что солгала.

Но зачем?

А ещё интуиция, которая вмиг активизировалась и нашептывала предположения – одно хуже другого. Не успев обдумать ситуацию, я рефлекторно выкручиваю руль, сворачивая к офису.

Самым странным было то, что в это время Алина все ещё на работе. Пользуясь привилегиями, полагающимися любимой дочке босса, девушка убегала из офиса за несколько часов до завершения рабочего дня, перекидывая дела на коллег. Неужели эта лиса добралась до Наташки? Своими интригами и склоками девица умудрилась выжить из офиса половину нормальных сотрудников. Женский коллектив постепенно превращался в серпентарий. А ведь работает у нас всего шесть месяцев! Она с удовольствием и от меня бы избавилась, но пока остерегается показывать зубки протее своего деда, плюс я её начальница. А для того, чтобы испортить жизнь Наташке – кишка тонка, не того поля ягода. Недаром подруга с гордостью носит прозвище Эверест. Во-первых, фамилия у нее – Горная, во-вторых, она такая неприступная, холодная и таит в себе множество опасностей, что лучше к ней лишний раз не соваться. Иной раз мне казалось, что её сам босс побаивался.

Но если Наташка солгала, значит, случилось что-то серьезное. К тому же, последние три недели у меня прямо руки чешутся от желания свернуть чью-то хрупкую и нежную шейку. Возможность шикарная – Алина на месте, а свидетелей нет. А уже после выясню, каким образом эта девица умудрилась запороть мой проект, над которым я работала несколько месяцев, и лишит меня офигенных комиссионных. Съездила в отпуск, называется.

Заодно Антону втык дам и отправлю домой лечиться. Тоже мне, герой-трудоголик с девизом по жизни – положу своё здоровье на благо компании!

Выудив из сумки ключи от кабинета, двинулась в офис.

– Привет, Семен!

– О, Дюймовочка! – охранник при виде меня откладывает книгу в

сторону. – Какими судьбами? Ты же в отпуске!

– Да какой там отпуск! Одно разочарование, – отмахиваюсь, намекая,

чтобы даже не спрашивал.

– Ты просто отдыхать не умеешь, – хохочет мужчина, покачивая головой. – Телефон во время отпуска нужно отключать, не слышала о таком? Всему тебя учить нужно, салага.

– Гены не пропьешь, – весело подмигиваю и скрываюсь в кабине лифта. – В следующий раз обязательно воспользуюсь твоим советом! Ещё увидимся.

На этаже царил идеальная тишина – все давным-давно разбежались по домам. Я ожидала застать тут Антона... но его место пустовало, а компьютер был выключен. Может, стало так плохо, что побоялся садиться за руль?

Но если Антона не было, то вот Наталья точно на месте – со стороны приёмной начальства, сквозь тонкую щелку из-под двери, сочился свет.

– Привет, – дверь открывается бесшумно, и подруга, уткнувшись в монитор, буквально подпрыгивает на месте. – Извини, не хотела пугать.

– Ты не напугала, – пока я пересекаю просторную приемную, громко шлепая пляжными сланцами, женщина лихорадочно собирает разложенные

на столе документы.

– А то и видно. Забыла, что у тебя на лице все написано? – пальцем очерчиваю в воздухе контур её головы. Ноль реакции, хотя обычно девушка расслабляется, и мы вместе хихикаем, что для Эвереста у нее уж слишком живая мимика. Усаживаюсь напротив, не дождавись хоть мало-мальских объятий от подруги, которая, по идее, должна была по мне соскучиться за это время. – Ты так рада меня видеть... Наташ, не хочешь пояснить, что происходит? – Тыкать в ложь не стала. Сама все понимает. – Чего ты такая дерганая?

– Не сейчас, Жень. Давай вечером встретимся и поговорим, хорошо?

Я же запретила тебе приезжать.

Вот так тепленький прием: подруга вошла в образ Эвереста и начала атаку без предупреждения. Я так растерялась, что не сразу нашлась с ответом.

– Во-первых, насколько я помню, ты не мой начальник, чтобы запрещать мне появляться в офисе, — сухо поясняю, чувствуя, как раздражение вновь дает о себе знать. — Во-вторых, я ещё не уволена, не так ли? Кстати, он на месте? — киваю на стену, за которой скрывается кабинет Игоря Петровича. — Будь добра, сообщи, что я приехала, как мы и договаривались.

– У него совещание, я не стану мешать.

Таким голосом Наташка обычно отшивает назойливых сотрудников, которые бегают к начальству по любому чиху. Но я-то не из-за ерунды здесь. И не по собственной прихоти.

– Ещё как станешь, если не хочешь, чтобы я помешала ему совещаться, просто ворвавшись в кабинет, — поднимаюсь с места, намереваясь дать понять, что я не шучу. — Какая муха тебя укусила? Это ведь не тебя собираются турнуть ни за что, не так ли? Да какого черта, Наташа! Я прервала свой отпуск, половину которого просидела в отеле и исправляла косяки сама знаешь кого, а вы в последний момент все переиграли? Продолжим спорить или ты сделаешь свою работу?

На секунду в мыслях проскальзывает сожаление. Может, и не стоило так уж резко?

– Так, все, брейк. Успокоились обе, пока не наговорили друг другу того, о чем потом пожалеем, — Наташка идет на попятный. Она знает, что завожусь я с пол-оборота, слишком импульсивная и эмоциональная. Обычно ещё себя сдерживаю, но не сейчас, когда уставшая и злая. Отпуск испорчен, премии лишилась, а сейчас могу и работу потерять с тем же успехом. Дома парень болеет, тут мне лапши на уши навесили. — Пошли кофе попьем, поговорим. У Игоря Петровича действительно совещание, может, к тому времени закончат.

В опровержение слов Натальи из-за стены разносится громкий мужской

смех.

– Весело у них там.

– Не то слово, — соглашается подруга, и я невольно смеюсь, глядя

на её кислую физиономию. — Идем?

Мы почти уходим, как дверь кабинета начальства распахивается, выпуская веселье в приемную.

– Наталья, душенька, организуйте нам кофейку, – в дверном проеме стоит Игорь Петрович. Довольный, веселый. Я бы даже сказала, неприлично счастливый. Улыбка такая, какой не было, даже когда стал главой компании. И я не знаю, что меня больше поражает: его благодушие или Антон на заднем фоне, что сидит на кожаном диване в кабинете начальства и воркует с Алиной, словно влюбленный голубь.

– О, Евгения Олеговна, и вы тут?

Я с усилием отрываю взгляд от парочки, чувствуя, как промеж лопаток ложится чья-то ладонь. Наташка. Этот нехитрый жест помогает вернуть самообладание. Пожалуй, начать выяснять отношения прямо сейчас – не лучшая идея, в кабинете есть посторонние.

– Да. Вы хотели меня видеть, как только я приеду.

Голос ровный, я бы даже сказала, механический. И это хорошо. Возможно, мне лишь показалось, что одна рука Антона обнимает девушку за плечи, а вторая сжимает её ладони. И сидят они слишком близко – тоже показалось. Или это совсем не то, что видится на первый взгляд.

– Это было две недели назад, Орлова, когда «Октава» собрались разорвать все договоренности, – мужчина выставляет ладонь вперед, намекая, что и слушать ничего не желает. – Я помню, у вас там в поездке что-то с документами произошло, и вы не могли вернуться раньше, – отмахивается начальство, – но это ничего не меняет. Давайте о работе поговорим в понедельник, там и решим, что делать с вашей ошибкой. К счастью, Алина Игоревна уже урегулировала возникший конфликт к «Октавой», поэтому дела подождут.

Я едва не скрипнула зубами от досады. Значит, Алина Игоревна урегулировала? Вот как. Видимо, я перегрелась и получила солнечный удар, когда решила, что это я две недели пахала, заново составляя документы и ведя переписку с представителями «Октавы» прямо из отеля. Консультировала и направляла Алину, чтобы она в очередной раз не напортачила.

Что ж, ну теперь мне хотя бы понятно, откуда ноги растут у этой мутной истории. А то две недели думала-гадала, что за ерунда с договором, и почему «Октава» чуть не послали нашу компанию к едрене фене. Возникло подозрение, что при трудоустройстве в

«Октаву» сотрудники не только подписывают трудовой договор, но и дают обет молчания. А в дополнение ко всему проходят курсы увиливания от прямых вопросов. Я так и не поняла, что конкретно произошло с нашей последней встречи. А Алина ни бе, ни ме, ни ку-ка-ре-ку о причинах конфликта.

Вот только недолго этой стрекозе плясать осталось – подниму переписку за несколько месяцев, выцеплю из неё все документы, и чья-то песенка будет спета. Какое счастье, что я работаю на своём

ноутбуке, а не на корпоративном. Как бы Алина не льстила мне эти месяцы, не восхищалась моим умом и работоспособностью, не строила из себя невинную овечку, но я так и не забыла её обещание двухгодичной давности – вернуться и уничтожить мою карьеру. Так что я была начеку с той самой фразы: «Это Алина Игоревна, прошу любить

и жаловать!»

Предупрежден, значит, вооружен. Что ж, посмотрим, кто кого. Я не собиралась складывать лапки и подставлять филейную часть для пинка. Обойдется.

– Конечно. Увидимся в понедельник, Игорь Петрович.

– Стойте, душенька, ну что ж вы так спешите, – фамильярность Игоря Петровича бесила просто невообразимо, но человек неисправим. Я пыталась в первые месяцы совместной работы указать ему на личные границы, но проще уговорить тигра не нападать. Вечно себе на уме. – У нашей компании отличный повод для праздника, и раз уж вы тут, то просто обязаны разделить эту радость с нами. Вы ведь старожил офиса, не так ли? Работаете тут шесть или семь лет, если

не ошибаюсь?

– Шесть с половиной.

– Почти с самого основания. Значит, имеете полное право узнать о грядущих изменениях одной из первых. Наташенька, так что там с кофе?

– Один момент, Игорь Петрович, – Наташа спокойнее, чем ледники

Антарктиды, в то время, когда я не знала, куда себя деть. Было огромное желание разобраться в происходящем, но сделать ноги и

унести отсюда задницу подобру-поздорову хотелось сильнее. Предчувствие жирной подставки никак не покидало. – Жень, будь добра, помоги мне. Иначе я одна провожусь до вечера.

– Да, вдвоем вы быстрее справитесь. Ну все, бегите.

Мы с Натальей покидаем приемную с идеально ровными спинами, как ни в чем не бывало. Я следую за ней словно на веревочке до самой кухни, подстраиваясь под равномерный стук высоченных спилек. Едва подруга закрывает за нашими спинами дверь в крошечное помещение, как мое терпение лопається, и я, наконец, задаю главный вопрос этого вечера.

– Какого черта тут происходит? – что-то я стала много ругаться в

последнее время. Впрочем, Наташа вообще никак не

реагирует.

Мне приходится ждать, пока она заправляет кофемашину. Чтобы не мяться на месте, достаю поднос, на который выставляю несколько идентичных кружек, чайных ложечек и пиалу с кубиками сахара. Пока кофемашина выполняет свою задачу, коллега из тумбочки вынимает полупустую бутылку коньяка. Аккуратно разливает спиртное по двум кружкам, буквально по чуть-чуть. Стало паршиво, когда я, наконец, заметила, что у Эвереста подрагивают руки, отчего горлышко бутылки

то
и дело тренькало о край
кофейной кружки.

Заначка спрятана, а мне в руки всучили один из импровизированных бокалов.

– Пей за то, чтобы стояло только у верных!

Чудо, что после столь оригинального ответа на поставленный вопрос

кружка не выскользнула из ослабевших рук.

– Я за рулем, – смотрю на подругу, пытаюсь уловить признаки розыгрыша. – И ты же знаешь, что я не пью. Наташ, ты же пошутила сейчас, да?

Не хочу верить, что это правда. Он не мог. Только не Антон.

– Знаю, конечно, но попробовать стоило, – подруга смотрит на меня со смесью жалости и сочувствия, после чего возвращается к кофемашине. Тяжело вздыхает и продолжает: – Да какие там шутки, Жень. Ты даже не представляешь, насколько все дерьмово.

– Как давно ты знаешь?

– Три дня. Не знала, как тебе сказать... да и смысл, ты уже возвращалась.

Чувствую, как внутри все заеденевает. Значит, не показалось. Так и есть. Обнимает и держит за руки, а её голова лежит на его плече. Зрение

меня не подвело, а интуиция не
обманула.

Не знаю, что сказать, но Наташа ждет реакции, нервно постукивая туфлей

по полу.

– Ясно.

– А мне вот ни черта не ясно! – Эверест взрывается, выпуская копившуюся все эти дни злость наружу. – Ты вот знала, что твой любимый Самойлов – сын Аркадия Полонского? Нашего главного

конкурента?

– Знала.

Мне кажется, что я слышу глухой звук, когда Наталья мысленно налетает на бетонную стену. От растерянности проглатывает заготовленную речь. Коллега явно думала, что это известие станет для меня ошеломительной новостью. А вышло все наоборот.

– И к чему ты ведешь?

– Что ж, – Эверест вернула себе самообладание, но развивать тему, к счастью, не стала, – если вкратце, то два папаша спелись, решив поженить своих деток, а под шумок проверить слияние фирм, объединить

усилия и захватить рынок.

– Судя по всему, они пришли к договоренности, – слова сочатся злой иронией. В голове зашумело. Ни одной мысли, просто фоновый шум,

что заглушает голос подруги.

– Точно. А ты сейчас должна взять себя в руки, слышишь? – меня встряхивают за плечи, приводя в чувство. – Не доставляй этой стерве удовольствия видеть тебя раздавленной. Улыбайся как никогда раньше, шути лучше тамады. Ты должна стать Айсбергом, слышишь меня, Орлова? – дождавшись слабого кивка, Наталья отступает и берет поднос.

Я не сразу соображаю, что нужно открыть дверь. Но прежде подруга

даёт ещё одно напутствие.

– Все остальное... потом, Женька. Прорвемся, дорогая.

– Как в прошлый раз?

Уже была такая ситуация, только на этот раз мы поменялись с ней местами. И ничего, прошло время, Наташка сейчас цветет и пахнет, хотя тогда от боли на стены была готова лезть.

– Да, как в прошлый раз. А сейчас пойдём.

Глава 2

Из приемной доносился веселый смех. Дверь была по-прежнему открыта.

– О, вот и мои девочки вернулись! – при нашем появлении на пороге святая святых Игорь Петрович подпрыгивает с места. – Наташенька, все как я люблю?

– Конечно, Игорь Петрович. Вот ваш кофе.

Напрасно я думала, что мужчина решил помочь Наталье с подносом. Он всего лишь забрал «особую» кружку. Интересно, как много за сегодняшний день столь крепкого кофе он выпил? Судя по настроению и разыгравшейся фамильярности, немало.

– Ну, что ж, красавицы, присаживайтесь! И вы, Наташенька, присоединяйтесь! Ну же, смелее.

Я мысленно произношу благодарность, одна я точно со всем этим не

справлюсь.

Ситуация, как и атмосфера в кабинете изменилась. Голубки уже не воркуют, даже не касаются друг от друга. Но удача явно от меня сегодня отвернулась, так как моё место рядом с Антоном, чей взгляд я чувствую кожей с того самого момента, как оказалась по эту сторону двери. Смотреть на него боюсь. С легкостью могу лишиться тех остатков сил, на которых держусь. Так что из этой парочки я изучаю взглядом

исключительно Алину.

– Здравствуйте! – надеюсь, девушка со светлой улыбкой ангелочка прочитала в моём взгляде всю ту ненависть, что прожигает меня изнутри. – Как отпуск? Отлично загорели!

– Спасибо, – благодарю за дежурный комплимент, все остальное

пропуская мимо ушей.

Наталья моментально ставит передо мной кружку, чьи горячие стенки помогают не только согреть ледяные руки, но и скрыть дрожь пальцев.

– Аркадий, Наталью ты уже знаешь, а это, – Игорь Петрович заходит мне за спину и кладет руки на плечи, – а это Евгения Олеговна! Потрясающий специалист в своей области, работает

практически с самого основания компании. Отец взял её на подработку, когда ей ещё и восемнадцати не было. Представляешь?

– Такой хороший специалист, что едва с треском не провалила договор с «Октавой»? – кажется, слава летит впереди меня. Я с легкостью улавливаю нотки пренебрежения – отцу Антона моя персона совершенно не интересна. – Молода ещё для своей должности,

ты так не считаешь?

В голове проносится тысяча и один способ расправы с нахалкой, что

разрушила мою идеальную репутацию за каких-то пару недель.

– Ну, опыт, знаешь ли, приходит вовсе не с возрастом. Ты вон, на мою Алинку глянь. Работает под руководством Евгении всего ничего, а как красиво повернула ситуацию в нашу сторону? Твои ребята сколько Октаву окучивали, и все без толку. К тому же, у Евгении Олеговны взгляд наметан, отличных сотрудников сразу видит. Думаешь, кто твоего

Антон моего отцу порекомендовал?

Уклоняюсь, когда начальство решило потрепать меня по макушке, как какого-то ребенка. Я понимаю, что сейчас больше похожа на юную девчонку с соседнего района – не было ни времени, ни возможности переодеться

в деловой костюм, но

это не дает ему никакого права тискать меня, как вздумается.

– Извините, Женечка! – начальник возвращается на своё место, усаживаясь рядом с гостем. – Не поймите неправильно, это меня так от радости распирает. Не могу усидеть на месте.

Аркадий посматривает на будущего родственника, у которого градус веселья уже прилично зашкаливает, с долей недовольства. Он, собственно, как и все остальные, совершенно не понимает, зачем нас нужно было приглашать сюда. Что мы тут делаем?

– Ничего страшного, – мило улыбаюсь и направляю разговор в нужное русло. – Игорь Петрович, вы собирались рассказать о грядущих изменениях в компании.

– Вы пришли к соглашению? – интересуется Наташка, поддерживая меня.

– Лучше! – начальник выпячивает грудь колесом. – Я стану дедом!

Я была готова к новости о слиянии компаний и свадьбе, но это... Игорь Аркадьевич, который ни сном ни духом о наших с Антоном отношениях,

скинул на меня самую настоящую атомную бомбу.

Наталья поперхнулась кофе, у Антона звякнула чашка о блюде, а Алина, на которую я метнула взгляд... у Алины с лица исчезли все краски, отчего проявились глубокие царапины на щеке, что она пыталась скрыть за слоем косметики. Девушка так побледнела, что упади она в обморок – я бы не удивилась. Наверное, в моём взгляде промелькнуло что-то жуткое.

Главное, не показать, что прямо сейчас внутри меня что-то умирает. Надежда, что все поправимо? Цепляюсь взглядом за Наташку, как утопающий за спасательный круг, и спустя пару мгновений все же нахожу в себе силы ответить.

– Поздравляю! Это потрясающая новость!

Я абсолютно спокойна. Ни Аркадий, ни Игорь Петрович даже не заподозрили, что что-то не так. И лишь руки выдают моё истинное состояние. Боясь, что просто раздавлю чашку, прячу ладони под стол, сжимая колени сквозь слой шифоновой юбки.

Вся конспирация летит коту под хвост, когда чувствую обжигающее прикосновение Антона, что пытается перехватить мою руку. Под столом, чтобы никто не видел. Тело срабатывает раньше мозга

– я дергаюсь так сильно, что ударяюсь коленкой о столешницу.

Секундный взгляд глаза в глаза, но этого хватает, чтобы у меня из-под

ног начала уходить земля. Что же ты наделал, Антон?

– Извините, мне пора.

Плевать, кто что подумает, но я убираюсь с этого праздника. Не могу больше делать вид, что все в порядке. Поздравлять молодую семью

и фальшиво улыбаться, когда внутренности сводит судорогой.

Вылетаю из кабинета так быстро, как позволяют пляжные сланцы. Несу по лестнице, перепрыгивая ступеньки, лишь бы поскорее убраться отсюда. Потому что плотину слез вот-вот прорвет.

– Женя!

Голос Антона за спиной только придаёт ускорения.

– Остановись, пожалуйста, стой!

Я почти у цели, когда мужские руки обхватывают меня поперек живота и приподнимают над землей, останавливая дикую гонку. Мир перед глазами закружился.

– Стой, родная, стой, – безостановочный шепот на ухо, пока я бьюсь с железной хваткой, пытаюсь освободиться. – Позволь мне все объяснить, пожалуйста!

– Ты делаешь мне больно!

Ложь, но это единственное, что заставляет мужчину расцепить объятия.

Он всегда боялся причинить мне боль.

Какая ирония.

– Не смей! – отскакиваю назад, избегая очередных объятий. Злость от его наглости вытесняет все остальные чувства. Даже плакать перехотелось. Только ударить, и желательно что-нибудь сломать. Чуть отдышавшись,

сдуваю с лица челку. – Ты действительно думаешь, что мне интересно, по какой причине ты не смог удержать свои бубенчики за застегнутой ширинкой, Самойлов? – вперилась взглядом в бывшего парня, от которого, как мне показалось, сейчас только угольки и останутся. – А хотя знаешь, интересно. Ну, скажи мне, как давно это продолжается?

– Женька, давай успокоимся и нормально...

– Сколько. Это. Длится? – продолжаю настаивать на своём, уже не спрашивая, а практически требуя правды сухими и рубленными фразами.

Интуиция шептала – Антон мнетя и избегает темы не с пустого места. И эта заминка от смелого, бесстрашного и прущего напролом в любых ситуациях парня была такой дикой, как если бы я вдруг облачилась

в пачку и пуанты.

– С мая.

– Господи, – делаю шаг назад, словно мне с размаху вlepили пощечину. – Поверить не могу, Самойлов.

В короткой фразе отражается вся горечь разочарования, испытываемая мною.

– Жень...

Отпрыгиваю от протянутой руки, как от раскаленной кочерги, когда Антон делает шаг вперед и пытается обхватить меня за плечи. Хватит прикосновений.

Забыв, что за спиной машина, со всего маха врезаюсь в дверцу водителя и ударяюсь локтем о боковое зеркало. Мы испуганно вздрагиваем от пронзительного звука сработавшей сигнализации, что заглушил мой собственный стон боли.

Только физической ли?

– Не смей ко мне прикасаться! – нащупываю в поясной сумке брелок и отключаю сигнализацию. – Больше никогда! – с каждым

словом голос становится тиши и тише, пока я не перехожу на шепот:

– Три гребанных месяца, Антон. Три. Господи... какая же я дура!

Какой же ты мудака!

Самойлов в этот момент похож на раненого зверя, мечущегося в клетке. Резким движением он оттягивает узел галстука, а затем и вовсе снимает его, выкидывая куда-то за спину. Расстёгивает верхние пуговицы идеально выглаженной рубашки, которую мы выбрали вместе, и запускает ладонь в растрепанные волосы. У меня от этого жеста моментально начинает колоть кончики пальцев. Словно ощущаю мягкость и шелковистость угольно-черных локонов даже на расстоянии.

Оба молчим, сверля друг друга взглядами и не находя нужных слов, чтобы разобраться с этим дерьмом. Я не знаю, о чем думает мужчина, но я... Смотрю на Антона и вижу в нём самого лучшего друга. Того, который много-много лет назад, в далекой юности, расплосовал себе руку перочинным ножом и поклялся на крови заботиться и оберегать. Быть поддержкой и опорой, что бы ни случилось. И одновременно я вижу бывшего друга, нарушившего свои же собственные клятвы. Я все ещё помню юношу, что страстно признавался в любви. А сейчас смотрю на возлюбленного, что с такой легкостью отвернулся от меня и предал доверие. Бывший друг и бывший возлюбленный. Просто...

Бывший?

– Антон, нам долго тебя ещё ждать? – грубый повелительный голос

Аркадия разрывает установившуюся тишину.

За широкой спиной бывшего, на расстоянии десяти шагов, стоит целая делегация. Алина с отцом и будущим свекром, и моя подруга Наташка.

все известно – вот что читается на лицах бывших непримиримых конкурентов. Только уже совершенно не важно, сами они догадались или

Алина шепнула на ушко.

– Женька, позволь мне все объяснить! – Антон игнорирует вопрос отца, продолжая смотреть только на меня. – Давай встретимся и поговорим? Ты не так должна была узнать!

От надломленного голоса в душе буквально все переворачивается. Меня обволакивает нестерпимое желание обнять мужчину, прижаться

к нему всем телом, погладить по голове и сказать, что мы это переживем. Как и прежде. Вместе.

Но погасив глупые порывы, я делаю шаг вперед, чувствуя боль от напряжения, сковавшего мышцы. И обхватываю ладонями правую руку Антона. Лишь на одно мгновение позволяю себе насладиться родными прикосновениями, но почти сразу вырываю пальцы из сладкого плена, чтобы задрать рукав мужской рубашки до локтя, оголяя черный рисунок.

– Помнишь день, когда ты её набил? – пальцем вывожу контур лаконичной татуировки с датой из далекого прошлого. Поднимаю голову, чтобы поймать мечущийся взгляд Антона, что больше походило на пса, который понимает, что сейчас любимый хозяин сделает ему больно. Знает, читает по глазам, но даже не предпринимает попыток избежать удара. – Осень. Тебе семнадцать. Мать, наконец, рассказала, кто твой отец. И, конечно же, ты его разыскал. А после три дня просидел под воротами шикарного особняка, несмотря на проливные дожди, надеясь на... – горло сдавливает спазм, и я опускаю конец фразы, не найдя в себе силы нанести столь сильный удар. – А я приезжала несколько раз в день на электричке, привозя тебе бутерброды и чай в термосе. Сидела там с тобой, под дождем, и уговаривала бросить бесполезную затею. И мне это удалось. Тот день ты запечатлел в татуировке, чтобы никогда не забывать клятву. Я так тобой восхищалась тогда и гордилась все эти годы, а сейчас... я вижу мужчину, который нарушил свои принципы и предал самого себя. Забыл все то, к чему стремился. Все обещания. Так что, Самойлов, нам не о чем с тобой говорить, ведь как выяснилось, твои слова и гроша сломанного

не стоят.

Словно подгадав момент, к нам подходит Аркадий, которого прежде я никогда не встречала лично. Сжимает ладонью плечо Самойлова так буднично, словно делал это всю жизнь и вообще имеет какое-либо право на подобное. Меня передергивает от отвращения. И не только меня. Кажется, этот жест становится тем самым контрольным

выстрелом, который не смогла сделать я.

Антон, впервые на моей памяти, раздавлен.

– Девушка, уезжайте уже и оставьте моего сына в покое.

Мужчина смотрит на меня как на букашку под его ботинком. Со смесью пренебрежения, раздражения и брезгливости. Плевать. Я

разворачиваюсь, чтобы открыть дверь и забраться в салон, и вижу Наташку, стоящую по другую сторону машины. Похоже, она намеревается уехать вместе со мной. От её теплого, тревожного взгляда становится легче. Я не одна. Такое ощущение, что Эверест поделилась силами.

– Я завтра уеду и вернусь в воскресенье утром, – голос равнодушный, словно это не мне только что воткнули нож в спину. – Времени более чем достаточно, чтобы ты собрал свои вещи.

Поворачиваюсь, чтобы сказать короткое «Прощай» или высокопарное «Забудь меня» и, наконец, поставить точку, но вместо этого получаю новый удар под дых.

– Уже.

Всего три буквы, одно короткое слово, а меня накрывает таким шквалом эмоций, что дыхание перехватывает, а сердце из-за болезненной судороги пропускает пару ударов.

– О чем ты? – пожалуйста, скажи, что я ошибаюсь.

– Я уже съехал, Женя, – горькая усмешка очерчивает мужские губы.

– Вот как, значит, – смотреть на Антона не получается. Не хочу показывать, как меня это задело. Голос контролировать ещё удастся, а вот глаза... сдадут с потрохами. – Что ж, так даже лучше.

Я слышу звук перебираемых на связке ключей, пока Антон отцепляет те, что от моей квартиры. Они блестят на раскрытой ладони в лучах закатного солнца. Хочу забрать быстро, но мужчина ловко перехватывает пальцы и сжимает их. Всего на мгновение, но я слышу недовольный фырк Алины, которая стала свидетельницей небольшой вольности своего жениха.

И тут пазлы в моей голове, наконец, собираются в полноценную картинку.

Но я все же решаюсь уточнить

догадку:

– А Клеопатра?

– Забрал. Ты же помнишь, что это моя кошка?

Конечно, помню. А ещё помню, что кошка любит Антона без оглядки, и с такой же силой ненавидит весь женский пол от мала до велика. Не считая меня. А если он переехал, значит...

Я перевожу взгляд с него на Алину с расплосованной щекой и обратно. Приподнимаю бровь в немом вопросе и начинаю безудержно

хохотать, выпуская напряжение, когда Антон едва заметно улыбается одними

уголками губ.

В этот момент в глазах окружающих я душевнобольная, что двинулась кукушкой от болезненного разрыва. Но мне все равно, потому что на короткое, едва уловимое мгновение я испытала чувство счастья

и отомщенности.

Я люблю тебя, Клео.

– Эй, Алина, – окликаю вражину, которая с успехом продолжает строить из себя невинную овечку, держась за все ещё плоский живот.

– Примешь от меня подарок?

– Это лишнее, Евгения Олеговна, я ведь все понимаю...

Все

мы все понимаем.

– Брось. Я во время отпуска купила игрушку, чтобы порадовать..., – обрываю фразу и бросаю самый горячий взгляд из своего арсенала на Антона. – Думаю, тебе она сейчас нужнее, чем мне.

Голос получился излишне предвкушающим, от чего хищница моментально делает стойку, почувствовав угрозу. Девушка становится возле Антона, подхватывая его под локоток, словно демонстрируя, чьи это угоды. Очередная иголка вонзается в сердце, когда мимоходом отмечаю, как гармонично они смотрятся. Высокий, хорошо сложенный брюнет, чей деловой стиль лишь подчеркивает фигуру, и хрупкая блондинка модельной внешности в изящном брючном костюме бледно-розового оттенка.

И на их фоне я.

Вся какая-то несуразная. С растрепанными волосами. Загорелая. В юбке солнцем, футболке с дурацким принтом и сланцах. Ростом метр

с кепкой, когда макушкой едва

достаю до плеча Антона.

В общем... даже сравнивать не получается.

Пока открываю багажник и перерываю чемоданы в поисках игрушки, девушка приближается и останавливается рядом со мной.

– О, нашла! – с победным кличем достаю игрушку-дразнилку для

Клеопатры и вручаю ее растерянной подчиненной. – Это для

Клео, – поясняю как для отсталой, а после с тонкой издевкой интересуюсь: – Кажется, ты ожидала увидеть что-то другое? Ну, извини, дорогая. О подарке для тебя я как-то не подумала.

– Нет, нет, что вы, – эта напускная вежливость бесит невероятно, но в умении манипулировать окружающими ей не откажешь. – Думаю, Клеопатра будет рада.

– Конечно, будет, – соглашаюсь, после чего вновь ныряю в багажник внедорожника. – Особенно, когда ты передашь ей вот это,

– с каким-то садистским наслаждением впихиваю в руки офисной неженки трёхкилограммовый пакет с элитным кошачьим кормом, что купила ещё до отпуска, но все время забывала забрать домой. Девушка приседает от неожиданности и неловко перехватывает упаковку. – Осторожнее, не надорвитесь, Алина Игоревна! Вам нужно заботиться о

своём здоровье.

К нам приближается обеспокоенный папуля, но мы уже почти закончили.

– Передай ей мою благодарность, – захопываю багажник и, обогнув соперницу, направляюсь к водительской двери.

В спину доносится ошеломленное:

– За что?

– За то, что морду лица тебе расцарапала, – пока вокруг разносятся ошеломленные вздохи, на моих губах играет самая широкая улыбка. Я действительно довольна. Пошла она к черту! Уж сейчас я точно терпеть её не обязана. – Иначе бы это сделала я.

Прямой взгляд. Без шуток.

И это понимают все свидетели безобразной сцены, потому что реакция

последовала незамедлительно.

– Женя, злись на меня, – застывает Антон, но я его игнорирую. – Она не виновата.

Ага, конечно. Не виновата.

– Если бы я только знал раньше! – рычит Игорь Петрович, которого окончательно развезло. Понятия не имею, что он собирался сделать со мной за оскорбление и угрозы, но был остановлен крепкой рукой Аркадия.

– Оставь. Пусть уходит.

– Вы уволены, слышите, Евгения Олеговна?! Уво-о-лены!

Убирайтесь отсюда!

Можно подумать, я бы продолжила на вас работать. Бросаю последний

взгляд на бывшего друга и возлюбленного.

– Надеюсь, ты не пожалеешь о сделанном выборе, Самойлов.

– Припадочная, – слышу комментарий новоявленного отца,

вспомнившем о своём ребенке спустя двадцать семь лет, пока сажусь в машину и завожу мотор. – Ты сделал правильный выбор, сын. Она совсем нам не ровня. Пойдём, мы уже опаздываем в ресторан.

Покидая парковку, то и дело смотрю в зеркало заднего вида.

Антон все стоит, провожая взглядом удаляющуюся машину.

– Обалдеть! – резюмирует Наташка произошедшее.

Вот уж действительно, обалдеть. Хотя, я бы высказалась по-другому. Когда твоя жизнь в одно мгновение рушится как карточный домик на ветру, на языке вертятся совсем иные фразы.

Глава 3

Остатков сил хватает лишь на то, чтобы проехать пару кварталов прежде, чем реальность произошедшего обрушивается на меня и придавливает бетонной плитой.

– Давай сюда, ну же, Женька, выруливай, кому говорю! – злой рывк Наташки срабатывает лучше всякой пощечины. Нарушив пару правил дорожного движения, я паркуюсь у стандартной панельной пятиэтажки. – Все, дальше я поведу, иначе следующей нашей остановкой будет морг. Не знаю, как тебе, а мне пока туда путь заказан. Как минимум, я намереваюсь устроить Алине пару десятков диверсий в ближайшие месяцы, чтобы ей жизнь раем не казалась. – Упоминание вражины пробуждает внутри такую первобытную ярость, которую не сдержать, что я кулаком ударяю по рулю и попадаю точно в кнопку клаксона. – Ну вот, всех птиц в округе распугала, – подруга комментирует мои психи с самым беззаботным видом. – О, магазин!

Я

пошла за болеутоляющим, ну а ты.. не знаю, пореви пока, что ли.

Отличный совет, просто шикарный!

Ловкие женские пальчики умело вытаскивают ключи из зажигания, и девушка легкой походкой скрывается в придомовом продуктове.

Мозг воспринял команду Натальи в штыки, так что вместо слез пришла апатия и погрузила меня в какой-то транс. Не хотелось вообще ничего. Только поскорее попасть домой, и чтобы меня никто не трогал, желательно годика два. Я настолько отключилась от реальности, что буквально подскочила, когда с моей стороны распахнулась дверь.

– Так, давай-ка, перебирайся, – голос подруги не подразумевал неподчинения. – Надеюсь, ты не планировать забиться в свою нору и

просидеть там до старости. Потому что у меня есть идея получше.

По опыту знаю, спорить с ней бесполезно.

– Да мне все равно, если честно. Вези куда хочешь.

– Вот и ладушки!

Машина тронулась с места. Высунувшись в окно и подставив лицо теплomu ветру, я попробовала отрешиться от мыслей, что съедали

заживо. Но куда там. Они, словно змеи, проникали во все потаенные уголки души и отравляли её своим ядом. Душили меня. Неужели так будет всегда?

Антон – огромная часть моей жизни. Лет так с тринадцати, когда пропала мать. Он стал моим защитником. Наградил фингалом местного задиру, который не давал мне прохода, то и дело напоминая о моей никчемности, что даже мать бросила и сбежала. Отличная мишень для битья. Я была так благодарна случайному защитнику, что услышав, как девица постарше распускает слухи о его матери-алкоголичке, не стерпела и ввязалась в драку. Вот так и вышло. Он стал мне тем, кем не смог стать отец – другом. И сколько себя помню, в любых ситуациях, даже в самых дерьмовых, я всегда чувствовала себя как за каменной стеной.

А что сейчас?

Потерять родного человека – словно отрезать себе руку без анестезии. Ориентиры сбились, а вкус предательства лишь все усложняет.

– Ну, может, поделишься? А то у меня такое чувство, словно я с мертвецом в одной машине. Ты даже не шевелишься.

– Что ты ещё хочешь знать? – чувствую себя старушкой–развалюшкой, на плечи которой легла вселенская несправедливость. – Разве не достаточно той безобразной сцены?

– Безобразная сцена была у меня, а у тебя ещё все бескровно обошлось. Кстати, мы почти приехали.

Машина уже давно выехала на проселочную дорогу. А сейчас и вовсе карабкалась куда-то вверх. Подъём был достаточно крутой, но Наташка, судя по виду, была спокойна, довольно лихо крутя баранкой и явно получала удовольствие от вождения. На её мини-купере сюда забраться надорваться можно, не то что на моем внедорожнике. У меня перехватило дыхание от восторга, едва автомобиль выехал на ровную поверхность.

– Я приезжаю сюда, когда хочу сбежать от городской суеты, – делится сокровенным Наталья.

Мы выбираемся из автомобиля и подходим к краю обрыва, откуда открывается потрясающий вид на город в вечерних сумерках. Ноги

утопают в траве по колени. Место малоизвестное и малопосещаемое.

Знай о нём кто – тут уже давно организовали бы стоянку для любовных

утех.

– А теперь и ты знаешь дорогу к этому месту.

– Если бы я ещё следила за ней, – осматриваюсь вокруг, чувствуя, как тиски, сжавшие сердце, ослабевают хватку. И тихо добавляю: – Спасибо. Невероятная красота.

– Давай, помоги мне, пока совсем не стемнело, – командует подруга, пропуская мою благодарность мимо ушей и шурша пакетами в багажнике.

Подойдя ближе, я едва не присвистнула от удивления.

– Ты что, скупила весь товар в том продуктовом?

– Почти. Надо же чем-то пустой холодильник затарить, – об этом я не подумала. Антон съехал, я была в отпуске... скорее всего, в холодильникемышь повесилась. А я не в том настроении, чтобы идти по магазинам. Устроила бы себе внеплановую диету. – А этот пакет для

нашего пикника. Будем пить и отмечать!

Смотри!

У меня перед носом замаячили две бутылки шампанского.

– Детское? – из груди рвется смех.

– Алкоголь – плохой советчик при душевных ранах. К тому же, ты не пьёшь, а я за рулем. Там рядом ещё был суши-бар, так что самое время накрывать поляну, пока рыба не испортилась. Помнится, у тебя где-то плед был?

Был. Она действительно все продумала, потому что пикник получился что надо. Телефон сразу отключила. Мало ли, надумает звонить...

бывший.

Это слово все ещё причиняло глухую боль.

– Как ты узнала о том, что они встречаются? – задаю интересующий вопрос.

– Уж не потому, что они вдруг начали ходить за ручку по офису,

– язвит Наташка. – Верить или нет, но у меня даже подозрений не возникало. Все было как обычно, никаких странностей. Хотя, учитывая, что вы свои отношения скрывали много лет, удивляться тут нечему. А узнала... случайно подслушала в туалете разговор Алины с

подругой по телефону. А следом и Аркадий явился. Но я так и не разобралась, чья это инициатива.

– Да какая уже разница? – отмахиваюсь, так как мне это действительно
не интересно.

Меня больше терзала мысль, как я умудрилась не почувствовать изменений. Как такое можно было пропустить? Почему интуиция молчала?

– Что тебя бесит? – неожиданный вопрос сбивает с толку.

– Бесит?

– Ну да, бесит.

Мне никак не удастся нащупать смысл вопроса, так что Наталья вдается

в пояснения:

– Измены ведь чем страшны? Тем, что к чертям собачьим убивают всю самооценку! Так было и со мной, – голос стал суше. – Я чувствовала себя полной идиоткой. А ещё вещь, которой попользовались, а когда пришла в негодность – выкинули. Да и мысли эти... «Я потратила на него свои лучшие годы», «Кому я ещё нужна», «Она вон какая красотка, неудивительно, что он гульнул...». Поверь, я столько времени убила, искала причины в себе, словно это была моя вина. Пыталась понять, ну что я сделала не так?

– И как? Поняла?

– Поняла, что это не мы виноваты, а они. Кобель он и в Африке кобель. Знаешь как я бесилась?! Он же на нашей кровати! На супружеском ложе! Просто взял и осквернил. После этого каждый раз, когда заходила в спальню, во мне словно демоны просыпались. Я не то, что спать на ней не могла, меня тошнило, когда я ее вообще видела. И эти картинки в голове отравляли мне жизнь. Помнишь, я тебе сказала, что продала кровать? На самом деле нет... хороший друг помог мне вывезти её за город.

– Просто выкинула?

В такую расточительность подруги поверить было сложно. Кровать-то не простая, а от спального гарнитура, баснословную стоимость которого я помню до сих пор, так была поражена.

– Хотела, но кто бы мне позволил, – Наташка тихо засмеялась, словно вспоминала лучший день своей жизни, а не момент, когда её брак рухнул. – Мне вручили в руки кувалду. Кувалда, представляешь да, какой вес? Я поднимала-то её с трудом, а замахнуть через плечо

– это и вовсе за гранью фантастики. Первые минуты я материла своего друга за глупую идею на чем свет стоит и просила, чтобы он вернул меня домой. Но потом... словно поймала нужную волну. Я не только вся взмокла, пока ее расколошматил, так потом ещё и сожгла.

– Отпустило?

– Отпустило. Этаким вариант терапии, но услуги психолога мне бы вышли дешевле. Но то я... тебе ещё только предстоит взять в руки кувалду. Поверь, однажды ты проснешься и поймешь, что прошлое

осталось
в прошлом, а будущее будет
таким, каким ты сама захочешь.

Побыстрее бы этот момент наступил. Потому что сейчас я в полнейшей растерянности. Словно меня сильно раскружили и отпустили без предупреждения. И лечу я непонятно куда, а остановить эту карусель не могу. И понятия не имею, что делать.

– Знаешь, что самое паршивое? – вновь начинаю разговор, когда глубокой ночью мы подъезжаем к моему дому. – Самое паршивое то, что я делилась с ним всем. На работе я была этаким танком. И как бы Алина ни лезла под кожу, я держалась. Знала, приду домой, пожалуюсь Антону, и он меня утешит. Мы вместе посмеемся над этой стервой и придумаем какую-нибудь хитрую ответку. А оказывается, Антон уже три месяца как перешел в другую команду... мне теперь не дает покоя мысль: а как много она знала? Что он ей рассказывал? И почему так поступил со мной? Я ведь не только его девушка, прежде всего я его друг, с которым сквозь огонь, воду и медные трубы. Когда все пошло не так?

– Думаешь, партизанил против тебя?

– Я не знаю, Наташа. Но эта мысль меня просто убивает. Не хочу думать о нём плохо. Да, поступил как настоящая скотина, но в глубине души

он все ещё мой друг. Наверное. Не
знаю.

Я растеряна. Как вести себя дальше? Как выкинуть более десяти лет

жизни?

– Это ничего, разберешься по ходу дела, – звучит обнадеживающе. – Ты как, не против будешь, если я составлю тебе компанию на выходных?

– Если согласна на режим самообслуживания, – Наталья едва заметно усмехается, словно ни на что другое и не рассчитывала. – Ну и дома бардак, сама понимаешь.

– Пошли уже, хозяйюшка.

Какое счастье, что лифт работает. Иначе я не представляю, как бы эти три пакета продуктов вкупе с огромным дорожным чемоданом мы подняли на восьмой этаж. В квартире было темно и тихо. Пусто. Первое разочарование – не слышно мяуканья. В горле встал ком.

Обычно, стоило переступить порог, как Клео громким мярганьем требовала

внимания, путаясь под ногами.

Мы без слов распределили обязанности. Наталья отправилась на кухню, разгружать продукты. А я в комнату – нужно было организовать постельное место для подруги. Но зайдя в спальню, зависла, уставившись на кровать.

Интересно, Антон приводил сюда Алину? Они делали... это тут?

Очнулась от тихого голоса и легкого прикосновения к плечу. И обнаружила себя застывшей в дверном приеме. Сколько я так простояла?

– Ты ведь не хотела думать о нём плохо, не так ли?

– Да, но... не получается.

– Я уверена, что мырма не переступала порог квартиры, – хотелось в это верить, да червячок сомнения все же будоражил фантазию некрасивыми картинками. – Во-первых, пусть мы с ним не были лучшими друзьями, но я знаю вас обоих много лет. Антон не подонок, как мой бывший, Жень. Думаю, парень запутался. Ещё и папочка этот... К тому же, ты можешь себе представить тут Алину? Эту фифу, живущую в пентхаусе? Не смей меня, ради бога.

– Ты права, – с этим сложно не согласиться. – Но сменить постельное

не помешает.

Сделав глубокий вдох, переступаю порог и направляюсь к шкафу.

– Я всегда права, – отшучивается женщина, выхватывая у меня из рук наволочку. – Что ты планируешь делать дальше?

– Ты знаешь, кажется, я поняла, что в моём случае олицетворяет чудодейственную кувалду.

– Так быстро?

– Да. Я уеду, – решение кажется единственно правильным. – Это желание возникло не сейчас, Нат. Я еще тогда все думала, когда мне было тринадцать или четырнадцать лет. Мама два года как считалась без вести пропавшей. Я стала тем самым ребенком, которого бросила мать-кукушка ради любовника, отец завел новую семью. Но я была всего лишь подростком. Нескончаемые попытки сбежать из дома, подальше от ненавистной мачехи, что была беременна близнецами. От

моего отца, которому я служила напоминанием измены бывшей. Плохая компания, прогулы в школе, скатившаяся успеваемость. Непрекращающиеся скандалы с отцом и мачехой, сплошной протест. Я

все делала наперекор. Прилежная и послушная девочка превратилась в маленького монстра, доставляющего нешуточные проблемы. Последней каплей стала угроза выкидыша у переволновавшейся мачехи. Врачи запретили хоть чем-то волновать пациентку, наверное, это и стало той причиной, почему отец уступил мне. Мы с ним договорились – он позволяет мне жить отдельно, в квартире мамы, но под присмотром её сестры, то есть моей тети. А я берусь за голову и прекращаю чудить. Не знаю, может, он рассчитывал, что позднее все наладится, я повзрослею и сменю гнев на милость... но я так и не простила. И новую семью не приняла. Лишняя я там. Тогда сбежать из города не вышло, а к восемнадцати у меня была перспективная работа, плюс параллельно училась в институте, ну и Антон. И как-то все затянулось. А сейчас меня тут ничего не держит. Перееду, устроюсь на новую работу, перепишу свою историю.

Да, так и поступлю. Отпадет обязанность участвовать в семейных ужинах, наполненных неловким молчанием. Не придется пересекаться с Антоном и... его зазной. К тому же я давно хотела выучиться на какую-нибудь крутую профессию. Мне всего двадцать четыре!

Решено. Начну жизнь с чистого листа!

вздрагиваем, когда с кухни за стенкой, разносится непонятный шум сродни хлопку петарды. После хлопка что-то брякнуло, зашуршало, а затем случился повторный хлопок, но какой-то приглушенный.

– Что это? – дрогнувший голос подруги подсказывает, что мне не привиделось.

– Наверное, Клеопатра что-нибудь уронила.

Самое очевидное предположение. Но почти сразу вспоминаю, что Клеопатры в квартире больше нет и становится жутковато.

– Перестань на меня так смотреть, Орлова, – напускное спокойствие Эвереста только подогревает мою панику. Я вообще боюсь ночных шорохов. Но раньше все это списывалось на кошку. Или на Антона. – Так, ужасики мы с тобой смотреть точно не будем, – выносит вердикт подруга, узрев мои испуганные плоскости. – Я не верю в мистику и тебе не советую. Наверняка этому есть объяснение. Пойдем, посмотрим, что там.

Не верит, а идти одна боится? Ну-ну!

Глупая мысль развеселила. Действительно, нервы ни к черту.

Может, пропить курс успокоительного?

– Я же говорила! – в голосе Натальи столько облегчения, что она сама над собой начинает глупо посмеиваться. – Всего лишь бутылка

молока упала со стола.

На полу действительно валяется пластиковая бутылка, к счастью, не пострадавшая при падении. В мои ближайшие планы мытье полов совершенно

не входило.

– Сама? – спрашиваю со скепсисом в голосе. – Взяла и упала со

стола?

– Да ну тебя, Женя! Перестань, у меня уже у самой мурашки по телу бегут. Скорее всего, я просто поставила её слишком близко к краю. Видишь, апельсины из пакета выкатились, наверняка, из-за них бутылка

и рухнула.

Видела я апельсины. Я ещё видела странный конверт среди покупок. Искусственно состаренный, словно из викторианской эпохи. Пухлый. Даже с восковой печатью для достоверности.

– Только не говори, что тебе вручили приглашение на свадьбу и ты решила принести его сюда, – невольная грубость слетает с губ.

– Что? – Наталья так ошарашена, что я сбавляю обороты. – О чем ты говоришь, ненормальная?

– Тогда что это за конверт?

– Мне-то откуда знать. Это я у тебя в гостях, а не наоборот.

Беру в руки послание. Немного торможу, не зная, как правильно вскрываются восковые печати. Не приходилось мне ранее с таким иметь дел. И кажется, поторопилась, потому что поранила палец до крови.

– Господи, Орлова, только ты можешь пораниться воском, – устало комментирует подруга, закатывая глаза к потолку. – Знаешь, я уже перестала удивляться твоей неуклюжести, но это... это уже что-то из ряда фантастики. Засунь палец под воду, кровь хлещет. Где у тебя аптечка?

Я махнула рукой в сторону нужного ящика машинально, полностью

сосредоточившись на письме, развернувшемся гармошкой.

Дорогая моя доченька. Пишет тебе...

С каждой прочитанной строчкой, с каждой витиеватой буквой, я чувствовала, как внутри просыпается гнев, который ранее никогда не

испытывала. Это письмо – удар ниже пояса. Да как он мог? Разве такими вещами шутят? Я ведь не сделала ничего, чтобы он так себя повел. Это Антон! Он изменил, он предал меня, он ушел! Сам все разрушил

до основания!

И решил добить глупым розыгрышем. Так, что ли, получается?

– Помнишь, ты говорила, что Антон не подонок? – слова резкие, колючие. О моей семье подробности знают очень ограниченный круг людей, но ни у кого из них не было доступа к квартире, кроме Антона. – Так вот, ты ошибалась. Так пошутить мог только самый настоящий говнюк! – горько усмехаюсь, чувствуя, как внутри умирает все хорошее, что я испытывала к мужчине. Не осталось больше ни любви, ни дружбы. Самойлов даже и представить не может, что жестокой шуткой породил из своего лучшего друга самого страшного и беспощадного врага, знающего все его сильные стороны и болевые точки. – Ненавижу!

Глава 4

– Ну что, готова?

– Ты так спрашиваешь, словно я на войну собралась, – Наталья лишь усмехается в ответ. – Мне только трудовую получить и забрать кое-какие вещички из кабинета, – глубокий вдох и попытка запрограммировать саму себя на успешную вылазку во вражеский стан, а главное, вернуться оттуда без новых ранений. – Вот увидишь, через

пятнадцать минут меня уже там не будет.

– Если бы это только от тебя зависело.

Из машины я вышла, будучи абсолютно спокойной. Только не знаю, что этому больше способствовало. Выходные, которые мы с Наташкой провели, валяясь в кровати и смотря комедии? Тютелька в тютельку сидящий на мне деловой костюм? Или дурацкое письмо, что лежало в сумке, напоминая о необоснованной жестокости близкого человека.

Главное, что полученным результатом я была довольна.

Наш офис, как и любой другой, в ранний час похож на муравейник. Утренняя суета, когда рабочий день официально ещё не начался, и сотрудники болтаются по коридорам, приветствуя друг друга и обсуждая прошедшие выходные.

– Доброе утро, Галина Ивановна, – приветствую пожилую женщину, кадровичку, с самого начала слепившую этот коллектив.

– О, Женечка!

Она, несмотря на солидный возраст, вскакивает с места, обхватывает меня за плечи и расцеловывает в обе щеки, чем рушит всю мою напускную холодность.

– Присаживайся, чаю будешь? – и, не дождавшись согласия, разводит бурную деятельность. – Мне казалось, ты ещё в отпуске. Ох, пора уже на пенсию, память подводит.

– Нет, нет. С памятью у вас все отлично, – заверяю Галину Ивановну, что была моим эталоном женщины преклонных лет. Идеальная осанка, элегантные стильные костюмы, отвечающие не только современной моде, но и её возрасту. Каждый раз у меня

возникла мысль, что перед работой женщина заскакивает к стилисту, парикмахеру и визажисту. – Я к вам по делу.

– Ну, рассказывай, что тебя ко мне привело?

Кадровичка – одна из немногих, с кем мне жаль расставаться. И единственный человек, который понимает истинную подоплеку происходящего, так что рассказываю о ситуации с «Октавой» без прикрас.

– Так я и знала, что эта пигалица своего добьется! – хорошее настроение собеседницы испаряется. – Злопамятная. Не сомневаюсь, что

скоро она и до меня доберется.

– Думаете?

– Ой, милочка, я тебя умоляю, – отмахивается женщина. – Мы ведь вдвоем её забраковали.

Пару лет назад, когда я только стала начальником нашего небольшого отдела, на освободившееся место искали нового сотрудника. И на собеседование явилась Алина. Петр Валентинович тогда сразу сказал – оценивать внучку, как и любого другого претендента, без скидок на родственные связи. А для достоверности лично присутствовал на собеседовании.

Он был жестким и справедливым начальником, наверное, именно поэтому фирма за короткий срок оставила позади многих конкурентов. Ну и, как следствие, Алина, только-только снявшая с головы шапочку выпускника, рассчитывала на теплый прием, а попала на «допрос». Я помню, как она с треском провалила тест Галины Ивановны. Сразу было ясно и о перспективности юного дарования, и о соответствии уровню компетенции, что был заявлен в резюме. Да и мне требовался

специалист, а не практикант, который со студенческой скамьи метит в дамки.

Не забуду, как отведенные тридцать минут девушка нервно грызла свой роскошный маникюр, слишком яркий для офиса. Кто бы мог подумать, что удушающий аромат её духов станет символом моей головной боли. Странно, что за все месяцы я так и не уловила этого гребанного

аромата на своём мужчине.

Закончилось все предсказуемо. Петр Валентинович, не колеблясь, поддержал наше решение, понимая, что Алина не потянет обязанности, которые шли вкупе с хорошей зарплатой. Но, к моему сожалению, предложил девушке попробовать свои силы на должности

рангом ниже – освоиться в компании и получить необходимые знания, а после, повторить попытку. Алина мило кивала ровно до тех пор, пока её дедушка был в кабинете. После включился режим избалованной истерички, и как итог – хамство, оскорбления и угрозы, что она вернется, и тогда нам несдобровать. И дверь, чудом не слетевшая

с петель, когда девушка

покидала офис.

Слово она своё сдержала. Да только вернулась не одна, а с защитником в виде любящего отца. За это время девушка повзрослела и в совершенстве овладела искусством хитрости и манипулирования, а от импульсивности не осталось и следа. С тех пор работать стало куда

«веселее», что ни день, то приключения.

– Галина Ивановна, у меня не так уж много времени, – обещанные Наталье пятнадцать минут вот-вот истекнут. – Давайте с этим покончим, а мы с вами как-нибудь встретимся и поболтаем.

– Ловлю тебя на слове, девочка. Распоряжений я ещё не получала, но подожди, я сейчас свяжусь с главой и уточню. – Долго ждать не пришлось – разговор по телефону был необычайно коротким. – Евгения, тебя просят явиться пред очи начальства.

Женщина разводит руками, мол, хотела бы, да помочь не могу.

До приёмной добираюсь без приключений, на горизонте нет ни Алины, ни Антона. И это, несомненно, к лучшему.

– Он тебя уже ждет, – сообщает Наталья, едва я переступаю порог

приёмной. – И не один. Удачи!

Что-что, а удача мне явно пригодится, потому что компанию Игорю Петровичу составляет никто иной, как его дочь. На лице не дрогнул

ни один мускул, только деловой
настрой.

– Присаживайтесь, Евгения Олеговна, – указывает на свободное место напротив Алины. – Мне звонили из кадров. Вы куда-то собрались?

– Насколько мне не изменяет память, вы меня уволили.

– Да, но я не думал, что мне придется напоминать вам о двух неделях отработки. Я рассчитываю, что за это время вы передадите все свои дела новому начальнику отдела и введете его в курс дела.

– И кто это?

– Она перед вами, – указывает на очевидное мужчину, но я даже головы не поворачиваю. – Алина Игоревна отлично себя проявила в сложный

для компании момент, вы не можете этого отрицать.

– Ну что вы, – протягиваю насмешливо. – Девушка отлично себя проявила, – соглашаюсь, смотря исключительно на начальство, продолжая игнорировать присутствие разлучницы. – Как говорится, наш пострел везде поспел.

– Мне не нравятся ваши намеки, Евгения Олеговна, – включается в разговор объект обсуждения. Да с такой строгостью в голосе, словно мы уже поменялись ролями – и это она мой начальник.

– Давайте не смешивать работу и личную жизнь? Вы себя выставляете

не в лучшем свете!

– И это говорит мне та, что не постеснялась переспать с парнем начальницы, – девушка поджимает губы, когда я полоснула её холодным взглядом. Я тоже умею играть в такие игры. – Игорь Петрович, я не стану вводить Алину в курс дела, – шутки в сторону, тем более, начальник хмур, как грозовая туча. – Наивно с вашей стороны полагать, что я стану ей помогать хоть в чем-то после произ...

– Ещё как станете, если не хотите быть уволенной по статье, – грубо перебивает начальник, внимательно отслеживая мою реакцию.

Шантаж? Так, значит?

– Несоответствие занимаемой должности или грубое нарушение трудовых обязанностей, к примеру, хищение. Что вам больше нравится?

Боюсь, мои предпочтения в данном вопросе вас огорчат.

– Мне больше нравится идея двухнедельной отработки, –

выжидая несколько секунд, пока начальник удовлетворенно вздохнёт, считая, что добился своего. А после бросаю ему ту же монету, – когда я с удовольствием посвящаю каждого сотрудника этого офиса в пикантные подробности, как дочка босса, молодая вертихвостка, разрушила мою семью. Это ли не хищение в особо крупных размерах?

Они ошарашены. Игорь Петрович, по-моему, вообще не ожидал сопротивления. Привык давить своей аурой – как зыркнет, так все сотрудники разбежались. Вот только мне нельзя идти на попятный, иначе мои же слова аукнутся мне ещё большими проблемами.

– Вы не посмеете, – буднично, излишне спокойно заявляет улыбающаяся

Алина, откидываясь на спинку кресла.

– О, ты думаешь, я шучу, Алина? – приподнимаю бровь, смотря на девушку с вызовом. – Поверь, я буду плакаться на каждом плече,

жалуясь на нелегкую женскую долю и рассказывая, как дочка босса соблазнила

моего парня.

– Прекратите этот спектакль, Евгения! – мужчина хлопает рукой по столу, пытаюсь вернуть меня к порядку, но вместо этого меня пробирает веселье.

Ну-ну, не я это начала. Когда женщину загоняют в угол безысходности, она начинает кусаться. А я ещё пока только зубки показала!

– Вы озвучили свои условия, будьте добры выслушать и меня. Неужели вам не интересно, как будут развиваться дальнейшие события в ближайшие две недели? – не дождавшись ответа, я продолжаю. – Так... что там дальше? Ах да, нужно не забыть шепнуть сплетницам, как вместо отпуска я лежала в больнице, ведь на фоне стресса у меня случился выкидыш. Какая удача, что до отпуска я отравилась морепродуктами! Ты же видела, Алина, как меня полоскало? Да и не только ты, так что сплетня разнесется по офису быстрее лесного пожара.

– Что за чушь собачья! – наконец, девушка теряет терпение и резко вскакивает с места, от чего стул за её спиной падает. Опирается ладонями на стол, наклоняясь ко мне, и зло проговаривает: – Вам никто не поверит!

– Ошибаешься, – продолжаю улыбаться. Я не хотела доводить до этого, но видит бог, получаю удовольствие от каждой минуты незапланированных переговоров. – О наших отношениях с Антоном в офисе знают четыре человека. Они подтвердят всем желающим, что

мы встречались много лет. И поверь, этого будет вполне достаточно, чтобы любые мои дальнейшие слова приняли за чистую монету. Потому что от меня не ждут подвоха, Алина. У меня кристальная

репутация, меня уважают и хорошо знают. В отличие от тебя, темной лошадки по блату, я тут работаю шесть лет. Но знаешь, что доставит мне особое удовольствие? – усмехаюсь, глядя разъяренную фурию, которая готова вцепиться мне в волосы от безысходности. – Тебе известно, что делают в женских коллективах с разлучницами? Нет? Когда перед женщинами встанет вопрос – ты или их мужа – тебя сожрут с потрохами, – Алина не выдерживает взгляда и отступает к окну, обняв себя за плечи. – Начнется такая травля, какую ты себе и вообразить

не можешь.

– Хватит, Евгения Олеговна, – капитулируя, произносит Игорь Петрович. – Мы вас услышали. Можете не продолжать.

– Это замечательно, но я ещё не закончила. Вы позволите? – мужчина устало прикрывает глаза. Остановить он меня не может. Подозреваю, начальник уже жалеет о попытке манипулирования, но я лучше дожду эту семейку, чтобы наверняка от меня отстали. – Так вот. Я с удовольствием на ежемесячном собрании подниму вопрос о несоответствии занимаемой должности. Нужно ведь разобраться, что на самом деле произошло на переговорах с «Октавой». Это слишком крупный клиент, и я, как все ещё действующий начальник отдела, обязана удостовериться, что впредь такого больше не повторится, а ответственные сотрудники будут наказаны. Эти выходные я очень плодотворно поработала – собрала все необходимые сведения и доказательства. Хорошо бы пригласить на собрание Петра Валентиновича, думаю, ему будет интересно послушать, как его любимая внучка сперва едва не сорвала контракт, а после хитро все обернула в свою пользу, рискуя при этом репутацией компании.

Ещё час назад я бы поклялась, что Игорь Петрович знал о махинациях своей кровиночки, но сейчас я была готова поменять решение. Уж слишком тяжелым взглядом он сверлил спину Алины, изучающей пейзажи в лучах утреннего солнца за окном.

– А теперь предлагаю вернуться к вопросу увольнения, – дав собеседникам пару минут на обдумывание, возвращаюсь к наболевшему. – Мне нужна моя трудовая и самая лучшая рекомендация, Игорь Петрович, какую только вы в своей жизни составляли. Ну так что, мы разойдемся с миром или мне гримироваться

перед спектаклем?

– С таким характером вам никакие рекомендации не нужны, – не то комплимент, не то оскорбление. Но на секунду мне показалось, что в мужском взгляде промелькнуло восхищение.

Скромность – путь в неизвестность, – цитирую крылатую фразу его же отца.

– Идите, Евгения Олеговна в... кадры. За документами.

– А рекомендации? – невинно уточняю, вставая со своего места.

– Не наклейте.

– Как знаете. – Не нужны мне эти рекомендации, я всего лишь хотела подергать тигра за усы. Но, подойдя к двери, не смогла

удержаться и вставила очередные пять копеек. – Значит, и Алине Игоревне

не видать флешки с моими

документами. Всего доброго.

Не дожидаясь, когда спор перейдет на новый виток, покидаю кабинет, мягко закрывая за собой дверь. И шумно выдыхаю, чувствуя, что как мышцы ноют от напряжения.

Наташка приплясывает за столом, показывая два больших пальца, поднятых вверх, и сияет ярче новогодней елки.

– Ты что, подслушивала? – возмущенный шепот. – А если бы поймали?

– Вдруг тебе бы понадобилась помощь? – так же шепчет подруга и указывает пальцем на поднос с кофейным набором. – А тут я,

с кофе!

– Ненормальная, – давлюсь смехом и качаю головой, удивляясь её безрассудности. Но как же тепло на душе от такой заботы! – И самая потрясающая, – Наташка расплывается в улыбке. – Ладно, я убежала.

Мне ещё в кадры, пока начальство не передумало.

– Так ненормальная или потрясающая? – доносится торопливый шепот мне вслед, но я только смеюсь, оставляя Наталью в неведении.

– Эй, ты не ответила!

Заглянув к Галине Ивановне и подтвердив, что приказ поступил, бодро шагаю в кабинет за своими вещами. Их немного. Больше времени уходит на то, чтобы попрощаться с подчиненными. К тому моменту, как я получаю документы и расчёт, новость уже разлетелась по всему офису. Грудь сдавило от переполняемых эмоций, когда почти каждый вышел, чтобы сказать напутственное слово. И что для коллег моё увольнение – полнейшая неожиданность, что без меня все изменится и они будут очень скучать. Пара женщин даже слезу пустили, прощаясь. Но я держалась. Улыбалась, заверяла коллег, что все

к лучшему.

Слезы все же катятся по щекам в момент, когда прощаюсь с охранником и понимаю, что это конец.

Финита ля комедия. Эпопея длиною в шесть с половиной лет завершена.

– Ну, ты чего? – Наташка, спустившаяся со мной в холл первого этажа, теряется. – Зачем сырость разводишь, Жень? Улыбнись, тебя впереди

ждут грандиозные планы! Помнишь?

– Помню, – обнимаю подругу, шепча на ухо, как я ей благодарна. Если бы не она, я сейчас представляла бы жалкое зрелище.

– И ты обещала ко мне приехать в гости. Не забудь.

– Евгения Олеговна! – синхронно поворачиваем головы на голос спешащей к нам Алины. – Евгения Олеговна, подождите!

– Ты что-то забыла?

– Не Алину, точно, – подруга едва не хрюкает от смеха, но ответ оставляет

при себе – девушка уже совсем

близко.

– Вот, возьмите, – Алина протягивает документ в файле. Я развеселилась, поняв, что это рекомендация, да столь изящная, что и придраться не к чему. И оформлено честь по чести – все подписи и печати присутствуют.

Неужели у Игоря Петровича треснули розовые очки?

– Ну что ж, – прячу документ в сумку. Будет трофеем. – Уговор дороже

денег, верно? Держи. Тут все, что тебе

нужно.

Алина кивает и уходит, не попрощавшись.

– Ты что, спятила? – разъяренной кошкой шипит Наталья, а я только смеюсь, кладя голову ей на плечо.

– Обижаешь, – подруга затихает, в ожидании пояснений. – На флешке собраны все кривые отчеты, пробные договора и презентации её собственного сочинения, которые она лепила для видимости. Потратила почти час времени, чтобы перерыть всю нашу с ней переписку.

– Где моя Женья? – Наташка встаёт напротив, осматривая меня взглядом с головы до ног. – Что за хитрая и расчётливая незнакомка передо мной?

– Прекрати дурачиться, – но вместо этого подруга заливается смехом и замолкает только тогда, когда я протягиваю ей ещё один

носитель. – Вот тут настоящие документы. И я хочу, чтобы ты передала их Зое. Она сейчас на больничном, а на тебя я могу положиться. Я там написала ей кое-какие советы и инструкции, но, ты уж пригляди, чтобы она использовала наработки с умом. Так, чтобы сама поднялась по карьерной лестнице, а не протолкнула эту хитрую стерву. Ей нужно засветиться перед руководителями других отделов. Рано или поздно наша красотка уйдет в декретный отпуск и было бы здорово, если бы Зоя заняла кресло руководителя.

– Жень, ты понимаешь, что ты только что сделала? – с детским восторгом смотрит на меня взрослая, казалось бы, женщина. – Ты же только что дала мне оружие для первой диверсии! – я только глаза закатываю к потолку. – Ну все, мне пора, подруга. Мы ведь до твоего отъезда ещё встретимся, да?

– Конечно.

Наташка скрывается в кабине лифта, а я, наконец, покидаю здание.

Подставляю лицо солнышку и делаю глубокий вдох.

Свободна!

И в этот же момент замечаю на парковке Антона.

– Что тебе нужно? – торможу за пару шагов до машины. Он специально

расположился у дверцы – ждал, чтобы поговорить.

– Это правда? – вопрос звучит грубо, отрывисто.

– Что именно?

– Что ты беременна. Мне Алина сказала, что ты говорила про беременность

и выкидыш. Это правда?

Закрываю глаза, не веря, что вообще это слышу.

– Твоя Алина идиотка, можешь так ей и передать, – взяв эмоции под контроль, теперь я уже твердо смотрю ему в глаза и произношу максимально уверенно, в надежде, что повторять не придется: – Это ложь.

– Тогда зачем?

– Затем, что меня прижали к стенке, а на войне все средства хороши. Ты поинтересуйся у своей невесты, как они вместе с папочкой пытались меня шантажировать. Ещё вопросы будут, или ты позволишь мне уехать?

– Нам надо поговорить, ты же понимаешь. Дай мне хотя бы шанс объяснить, как все было.

– Обязательно, – согласно киваю и достаю из сумки конверт, который практически швыряю в Антона. Реакция у него отменная, ловит чуть ли не на лету. – Сразу после того, как ты мне расскажешь про свою идиотскую шутку, Самойлов. Ну? Я вся внимание. У тебя вообще мозги отшибло или ты всегда был такой, а я не замечала?

Все моё спокойствие осталось в кабинете начальства. Сейчас же я была на взводе, чувствуя, что буквально закипаю от гнева.

– Что это? – Антон вертит конверт, словно впервые его видит.

– Не прикидывайся дурачком! – раздражение, наконец, находит выход.

– Понятия не имею, о чем ты говоришь, Женя, – мужчина с остервенением достаёт письмо и вчитывается в изящные строчки.

– Что за бред?

– Вот и меня гложет вопрос, как ты мог сочинить такой бред про мою мать? Другой мир, серьёзно? – взмахиваю рукой, когда мужчина пытается протестовать. – Магическая почта? Я думала, моя мать меня бросила, а оказывается, она попала в гуляющий портал и переместилась в другой мир! – Как бы я ни старалась, но вместо злой иронии в собственном голосе слышу только горечь обиды. – И давно я из друга превратилась в объект для насмешек, Антон? А? Как у тебя совести

хватило на такое?

– Это не моих рук дело! – по слогам проговаривает мужчина, обхватывая меня за плечи и заглядывая в глаза с высоты своего роста.

– Я нашла его на кухне. А доступ к квартире есть только у тебя. Даты, имена, подробности – все это известно только тебе. И моему отцу. Наверное, это он так решил пошутить над непутевой дочерью. Или, может, это Клеопатра сделала? Алина? Она была в моей квартире?

– Я бы так с тобой не поступил!

– Да неужели? – ядовитые слова жалят не хуже змеи. – А я думала, именно так ты и поступаешь. А теперь дай пройти, разговор окончен.

– Женя!

– Видеть тебя не желаю, Антон! Ты сделал свой выбор, и я тоже.

Уходи.

– Друг дал бы мне шанс все объяснить, – словно сдавшись, мужчина выставляет ладони перед собой. И снова конверт оказывается

у

меня перед глазами.

– Друг бы не предал, – парирую в ответ. – Парень мог, но не друг.

– Я всего лишь человек, Женя, а не твой супер-герой, – у меня мурашки бегут, потому что Антон зол. Впервые за все годы я чувствую его ярость, но если прежде я была за широкой спиной, то сейчас стою в самом эпицентре. – А людям свойственно ошибаться. Но ты ведь не умеешь прощать, не так ли? Гордая! Ты даже отца своего простить не можешь за то, что он посмел быть счастливым без твоей матери. Что уж обо мне говорить? Но знаешь, можешь и дальше продолжать

жалеть себя и лелеять свои детские обиды, с меня хватит. И вот с этим... – помахав письмом, мужчина проглатывает ругательство, замявшись на секунду, – разбирайся сама. А у меня и без того в жизни полно проблем, чтобы участвовать в дурацких розыгрышах.

Вот и поговорили!

Мужчина уходит, вернув мне письмо, а я так и осталась стоять у машины. Застыла на месте, приводя мысли в порядок, чувствуя себя нашкодившим котенком, которого макнули в собственную лужу.

Почему виноват он, а гадко себя чувствую я?

И черт бы побрал этого Антона и собственное сердце, которое поверило ему. Уж слишком это жестоко. Но если письмо не его рук дело, то тогда кто все это организовал?

Над головой раздаётся знакомый хлопок, как от петарды. Я коротко взвизгиваю и отпрыгиваю назад, и только после этого задираю голову. Внутри все цепенеет от ужаса, когда улавливаю взглядом короткую вспышку. Казалось, пространство над головой просто разрывается и выплевывает какой-то предмет. И когда он падает прямо передо мной, приземляясь на капот машины, я невольно вздрагиваю.

Табун испуганных мурашек пробегает по телу. Ожидаю чего угодно... но больше ничего не происходит. Оглядываюсь – ну, где тут камеры, выходи. Уж лучше пусть это будет какое-нибудь реалити-шоу, чем то, чему я не могу найти объяснения.

Но, увы, стоянка пустынна. Ни камер, ни шутников, ни свидетелей.

И я один на один с творящейся чертовщиной.

Не верю в мистику, такого просто не бывает! Наверняка это спецэффекты или лазерное шоу. Не знаю, кто это делает, но рано или поздно я этих юмористов поймаю! Собрав всю свою храбрость, дрожащими руками подхватываю с капота посылку. Слава богу, хотя бы машина не пострадала! Траты на сервис мне сейчас точно ни к

чему, по деньгам все до копейки рассчитано-расписано на новую жизнь.

Но как бы я себя не убеждала, любопытство побеждает здравый смысл: вместо того, чтобы выкинуть сверток в ближайшую урну, я решаю

выяснить, что внутри.

– Ай! – короткая боль обжигает палец. Дурацкая печать! Иголки в

них спрятаны, что ли?

Но все проклятия по поводу собственной неуклюжести встанут поперек горла, когда я открываю посылку и касаюсь пальцами шелковой ткани. Цветочный знакомый аромат щекочет нос, в памяти всплывает лицо мамы. Я резко дергаю на себя ткань. Длинный легкий шарф развеивается по ветру, а у меня на глазах выступают слезы.

Глава 5

Дорогая моя доченька! Женечка!

Это твоя мама – Александра Орлова (в девичестве Мусичкина).

Возможно, мои слова покажутся тебе фантастическим бредом, но умоляю, просто допусти на минутку такую возможность!

В далёком 2005 году я гостила на даче у тети Светы – родной сестры твоего отца. И когда шла в сторону автобусной остановки, меня затянуло в блуждающий портал – так я оказалась в другом мире.

Я не бросала вас с папой!

Несмотря на все мои попытки – вернуться к вам не получилось. Я даже не знала, как передать весточку, что жива и здорова. Но это не значит, что я не пыталась! Спустя годы, когда представилась возможность, я вдруг поняла, что у вас с папой уже так или иначе налаженная жизнь, разрушать которую я не имела права. Но желание вновь увидеть свою девочку никуда не исчезло, поэтому я продолжила поиски ритуала, который позволил бы нам встретиться. Ведь если я нашла способ межмировой связи, значит, должен быть и способ перехода. И мне это удалось.

Мне неизвестно, когда ты получишь моё сообщение, и получишь ли его вообще, но, если ты его читаешь, значит, в твой жизни наступил поворотный момент, а ты сама готова к серьезным переменам. Я лишь надеюсь, что это решение далось тебе легко, а не под давлением невзгод.

Способ перехода не позволяет мне вернуться к вам, но ты можешь прийти ко мне. Но готова ли ты впустить в свою жизнь

нечто невероятное?

Твоя мама,

2013 год по земному летоисчислению.

Готова ли я к перемещению в другой мир? Как я могу быть готова, если все ещё не до конца верю в его существование? Это вообще возможно?

Пребывая в самом скверном настроении, меряю кухню шагами. Последние пять часов вместо того, чтобы собирать вещи и готовиться к переезду, я раз за разом перечитывала письмо, пытаюсь уговорить разыгравшееся воображение и понять, что же я чувствую на самом деле. Казалось, мой мозг представлял из себя филиал тв-канала о паранормальных явлениях и генерировал дурацкие мысли. Если сказать честно, положив руку на сердце, я бы с превеликим удовольствием разорвала письмо на мелкие кусочки, выкинула и забыла, как самый глупый розыгрыш в моей жизни. Если бы не появление второй посылки, которая все перевернула с ног на голову. Странности были не только в способе доставки. Помимо маминого шарфа внутри была новая записка, от нее я уже совсем впала в ступор.

Девочка моя!

Я потеряла всякий покой в тот момент, когда почувствовала, что магическая печать сломана, а адресат прошел ритуал-проверку

на подтверждение личности.

Прости, что причинила тебе боль, но это было необходимо. Твоя кровь послужила распиской о доставке нужному адресату. Такая вот магия этого мира.

Я знаю, насколько сложно тебе поверить, что это действительно пишу я, поэтому, в качестве доказательства отправляю свой шарф. Ты ведь помнишь его, правда? Если нет, найди наши старые фотографии.

Я буду ждать твоего ответа столько, сколько понадобится.

С

любовью, твоя мама.

2018 год по земному летоисчислению.

Почему современному человеку так сложно поверить, что мы в этой вселенной не одни? Письма из воздуха, шарф – как это все может быть? Никак. Но железная логика просто пасовала перед маленькой девочкой Женей, которая всегда верила, что мама не могла её бросить. А исчезновение женщины всего лишь роковая случайность. Фантастическая, но случайность!

Я до такой степени накрутила себя, что в какой-то момент просто

психанула, не выдержав внутренних метаний. В конце-то концов, сколько можно? Все ведь просто как дважды два! Ответ лежит на

поверхности. Схватив шариковую ручку, я, в специально отведенном месте,

размашисто вывожу «Готова».

Вот и все! Если сейчас ничего не произойдет – а наверняка так и будет – значит, я со спокойной душой отправлюсь спать и больше никогда об этом не вспоминаю. А завтра собираю вещи и ищу арендаторов – все, как и собиралась, пока не началась эта чертовщина. Вот только, кажется, планы придется отложить, потому что выведенные синими чернилами буквы начинают исчезать. Я зачарованно наблюдаю, как с каждой секундой моё легкомысленное согласие тает без следа. Слово ластиком стерли.

На что я только что подписалась?

Ответ приходит почти мгновенно. Где-то под потолком раздаётся знакомый хлопок, и передо мной на столе уже лежит новый конверт. На этот раз я хоть и вздрагиваю, но скорее от неожиданности, чем от страха. При взгляде на конверт, я практически слышу, как мои бастионы сомнений рушатся, позволяя окончательно поверить, что невозможное возможно.

Заголовок нового письма краток и лаконичен.

«Инструкция по поиску и активации портала».

Я полночи прокрутилась в кровати без сна, сбивая под собой простыни и пытаюсь разгадать головоломку. Инструкция... такая странная.

Что значит «сокровища ищи в семейных схранах»?

Блин, да о каких вообще схранах идет речь?

С этой мыслью я провалилась в тревожный сон, проспала до позднего обеда и проснулась с ощущением, что где-то на краю разума проскользнула догадка. Казалось, ещё момент, ещё одно мгновение, и я поймаю её за хвост, и... И ничего. Момент был упущен, а загадка так и осталась неразгаданной. Зато когда по кухне поплыл терпкий аромат крепкого кофе, сознание окончательно проснулось. Можно, наконец, подключить логику.

Схран, тайник... может быть, сейф? Где в наше время ещё можно хранить сокровища? Но почему тогда семейный? Во времена, когда мы были семьей, у нас не водилось столько средств, чтобы нуждаться в сейфе.

В момент, когда густая коричневая жижа уже поперла из турки, меня осенило. Наскоро погасив пламя, я метнулась в комнату и с разбегу чуть не впечаталась носом в шкаф. Резной деревянный ларчик

в форме полумесяца нашла на второй полке. Мамина шкатулка. В ней она всегда хранила все свои драгоценности. Отец отдал ее вместе со всем содержимым, когда мне исполнилось восемнадцать. Вроде как семейная реликвия, передаваемая из поколения в поколение по женской линии. А я раз в год, в мамин день рождения, открывала и перебирала

украшения. Это успокаивало.

Откинув крышку, пораженно замираю, будто приклеиваясь взглядом. Среди многообразия знакомых подвесок, кулонов, браслетов и колец, переливаясь как голограмма на солнечном свете, лежит странный металлический предмет. Треугольная пластина размером с пол-ладони и с неровными краями по одной стороне. По всей поверхности выгравирована вязь из сотни мелких узоров, которые, казалось, подсвечивались изнутри.

Неожиданная находка была настолько необычной и завораживающе красивой, что потребовалось долгих полчаса прежде, чем я нашла в себе силы отложить пластину в сторону и вернуться к дальнейшим размышлениям. В инструкции сказано, что ключ разделен на две части. Отлично! Первая часть уже у меня, но где искать вторую? В шкатулке больше ничего необычного не было.

Да и подобных шкатулок тоже. Но, возможно, я что-то найду в маминих вещах, что хранятся на нашей старой даче?

Не узнаю, пока не проверю. Все равно больше никаких идей нет.

Не искать же вторую часть магического ключа в новом доме отца.

Все время, пока я торопливо собиралась в дорогу, внутри все сжималось от предвкушения какого-то чуда. И как же все это вовремя! Разворачивающиеся

события так сильно будоражили

фантазию, что неприятные мысли об Антоне отходили на второй план. Если это не галлюцинации на фоне сильного эмоционального потрясения, то у меня есть шанс найти свою мать! Это ли не чудо?

До дачи добралась с ветерком. Но стоило подойти к старым кованым воротам и увидеть небольшой домик с резным деревянным крылечком, как нахлынули детские воспоминания. Мы любили собираться на даче всей семьей и проводить тут теплые летние вечера. Папа валялся с книжкой в гамаке и читал вслух очередную историю, пока

мы с мамой где-то рядом сажали цветы.

В реальность, где когда-то красивый летний домик стал больше похож на старый заброшенный склеп, меня вернул вибрирующий

телефон. И только выудив его из кармана, поняла, что жужжит вовсе

не мобильник, а треугольная пластина – первая часть ключа. Я делала шаг за шагом по дорожке, приближаясь к дому, а он жужжал все сильнее. Ну что ж... кажется, поиски ключа будут куда интереснее. Поиграем в горячо-холодно? Нетерпение вибрировало во мне вместе с пластиной.

Внутри дома все было так, как в моих воспоминаниях. Разве что пыли добавилось и коробок с маминими вещами. Слишком много. В углу комнаты притаился старый буфет, где хранилась посуда в стиле

«шебби шик», доставшаяся нам ещё от бабушки. У противоположной стены книжный шкаф, доверху заполненный отцовскими книгами. А рядом кресло-качалка, где он любил сидеть. Круглый обеденный стол, а недалеко от него небольшой диван и винтовая лестница, ведущая на чердак.

Вот она-то мне и нужна, судя по тому, что ключ уже трясло, будто он припадочный. Поднимаясь вверх и чувствуя, как деревянные ступени прогибаются под моим весом, я лишь молилась, чтобы они выдержали,

а я не слетела отсюда кубарем.

Если бы не ключ, так называемый схран я искала бы до глубокой ночи. Счастье, что мне не пришлось прерывать все коробки, покрытые слоем пыли, потому что вторая часть нашлась там, где я меньше всего ожидала.

Сундук для игрушек.

Самодельный подарок родителей на мой седьмой день рождения. Это скорее семейное наследие, чем схран. Ещё одно светлое воспоминание из детства. Отшлифованная древесина, покрытая прозрачным лаком, кованые стальные обечайки с круглыми заклепками и увесистый замок надежно охраняли мои девичьи секреты.

Мне его даже искать не пришлось, потому что сквозь тонкие щели в рассохшимся дереве просачивался свет, а сам сундук словно дрожал, стуча ножками по полу. Стерев рукавом слой пыли и откинув крышку, я на секунду словно вернулась в детство: ошеломляющий восторг пронизывал каждую клеточку тела... ведь в мою обыденную жизнь ворвалось самое что ни на есть настоящее волшебство. Нашла!

Две части одного ключа. Стоило тонкие треугольные пластины поднести друг к другу, как они, притягиваясь словно магниты, выскользнули из ладоней. И в этот же момент погасли, погружая

пространство в абсолютную темноту. Но не успела я испугаться, как место

разлома ключа засветилось так ярко, что заболели глаза.

Следующие минут десять я с недоверием изучала парящий

светящийся треугольник, совершенно не понимая, что с ним делать. Можно ли к нему прикоснуться? И почему, черт возьми, он висит в воздухе?

– И что дальше? – смотрю на ключ, ожидая подсказку. Ну хоть бы моргнул!

Само собой, ключ не ответил. А я лишь усмехнулась: дожидая, начала разговаривать с неодушевленными предметами. Мысль исчезла так же быстро, как появилась, потому что ключ ни с того ни с сего приходит

в целенаправленное, почти осмысленное движение.

Я бросилась за ним вниз по лестнице, боясь потерять из виду. Светящийся огонек преодолевает комнату и вылетает сквозь открытую дверь, уносясь куда-то прочь от дома на приличной скорости.

– Подожди меня! – крик разносится на всю округу. Но это ерунда.

Я облегченно выдыхаю, когда ключ застывает в воздухе, мигая.

Стараясь не задумываться, закрываю ворота и бегу к машине, где меня

за руку хватает пьяный дед.

– Эй, красавица, ты тоже видишь НЛО? – случайный свидетель тычет

пальцем в воздух.

– Не понимаю, о чем вы, – пожимаю плечами, стараясь принять самый беззаботный вид.

Мужчина переводит взгляд с меня на парящий ключ и обратно, после

чего приходит к неутешительному выводу.

– Белка... пора завязывать! – перекрестившись и прошептав себе под нос какую-то молитву, случайный свидетель нетвердой походкой уходит

прочь.

Слава богу! Но сколько ещё таких свидетелей будет?

Стоило только сесть за руль, как ключ срывается в движение. Повезло, что я на машине! Не представляю, как бы я вела преследование на своих двоих. Я гнала не менее пятнадцати минут по проселочной дороге на огромной скорости, оставляя за собой клубы пыли, прежде чем этот неумный живчик-указатель привел меня к странному строению. Ну, не совсем странному, и не к строению, а к дому.

Но к какому!

Старый-старый бревенчатый дом и по сей день выглядел внушительно несмотря на то, что основательно просел. Высокий, сложенный из цельных камней цоколь навевал мысли то ли о купеческом лабазе, то ли о частых наводнениях, то ли о крепости. Тот, кто его строил, был, без сомнения, затейником. Помимо широкого гостеприимного резного крыльца, ведущего к высоченным, не ниже двух с половиной метров, массивным даже на вид, филенчатым окованным

дверям, имелся балкон-галерея с отдельной ажурной лестницей-входом. Разновеликие, несимметрично разбросанные окна не оставляли сомнений в том, что и в доме все тоже очень...затейливо.

В груди ворочалось раздражение с примесью страха. Почему портал не мог быть где-нибудь в поле под открытым небом? Можно подумать, мне и без этого заброшенного особняка на окраине поселения недостаточно потрясений! Ну хоть не склеп на кладбище, и то хорошо.

И все же... рассудительность или, вернее сказать, трусиха внутри меня побеждает. Вернусь утром и при дневном свете осмотрю дом в поисках портала. Ну и что, что еще не ночь, а только сумерки, лучше перебдеть. Да и смысл? Сомневаюсь, что электричество в столь древнем строении функционирует. Внутри темнота, а я понятия не имею, что искать. Как должен выглядеть портал? На обложках томиков подростковой литературы мелькали светящиеся, как электрическая дуга,

арки. Но это вымысел, а какова реальность?

Значит, домой. Вот только ключ так оставлять нельзя. Светясь равномерным золотистым светом, парящий прямо напротив двери указатель привлекает слишком много внимания. Особенно в темноте.

Но все мои планы летят в тартарары, едва я поднимаюсь на крыльцо: пластина в этот же миг начинает метаться, тычась остриём во впалые заклепки и проворачиваясь, словно подбирая шифр для неведомого сейфа. В тишине отчетливо слышно тиканье, словно множество шестеренок пришли в движение. Последний щелчок был особенно громким. Светящийся ключ-указатель тут же затухает, превращаясь в обычный, ничем не примечательный кусок металла, и падает на пол.

Двери открылись неохотно, с усилием проворачиваясь на сухих петлях, как бы предлагая мне отступить, одумавшись. Но какой там... трусиха передала пальму первенства разыгравшемуся

любопытству. Я ведь не усну, если уйду, не посмотрев хотя бы одним глазком!

А если портал прямо за дверью?

Пообещав трусихе, что не стану исследовать дом, а лишь загляну на секунду, сама не замечаю, как переступаю порог. И опять ощущение, что здесь готовы обороняться от всего и вся. Тамбур-коридор мог иметь только защитную функцию: то ли от врагов, то ли от морозов...

Три бесконечно тревожных шага привели к еще одной паре дверей, таких же массивных, украшенных бронзовыми чеканными нашлепками и ручками в форме выгнувшихся зверей. Место, в которое я протиснулась мимо тяжелой створки было не иначе как гостевой залой. Закатное солнце, пробивающееся через вековую пыль круглых окон, косыми четко направленными лучами освещало камин.

Потрясающее по своей пугающей вычурности архитектурное извращение.

Замираю в изумленном ступоре. Отсюда камин виден полностью, округлости и трещины лепнины складываются в уродливо-привлекательный исполинский лик циклопа. Нечто среднее между скульптурой и барельефом, изображение изобиловало анатомическими подробностями.

Закрытый глаз оцетинился ресницами, под ним располагался массивный несколько приплюснутый пористый нос, отверстия хищные ноздри которого были именно ноздрями – вполне полыми отверстиями, может, дополнительная вытяжка? Иначе зачем бы нос так нависал над широко распахнутым зевом камина, символизирующим рот, в который я могу войти, не нагибаясь?

А по обеим сторонам – скульптуры, которые будто другому мастеру поручили. Рафинированно-изящные кошки размером с настоящую пантеру. Одна антрацитово-черная, другая – мраморно-белая. Миниатюрные копии кошачьих, только в бронзе, были на ручках двери. Нет, это не кошки, коты! Такие наглые бандитские морды могут быть только у котов! Настороженные, непривычно округлые уши агрессивно прижаты, пасти оскалены в угрожающем рыке. А эти лапы? У правого шрам, а у левого – обломан коготь.

Непропорционально длинный хвост венчался еще одним когтем, или, скорее,

шипом.

Ладони похолодели, а дыхание перехватило, когда я ощущаю неясное, едва уловимое движение. Глупый смешок застревает где-то в

горле, когда движение повторяется. Стены вздрагивают с полувздохом, с полускрипом, половицы перекатываются волной, а крыша на секунду проседает. Такое ощущение, словно дом вдруг начал дышать. Замираю в испуге, ожидая, что вся эта многовековая конструкция сейчас рухнет, погребя меня заживо. Черт, ну зачем я сюда сунулась! Надо убираться, пока жива!

Не успеваю сделать и шага, как оказываюсь в самой настоящей

ловушке. Двери захлопываются, а бронзовые ручки, ожив, переплетаются, превращаясь в цельный замок. Я оцепенело наблюдаю, как на окна, одно за другим, опускаются металлические пластины...

бам, бам, бам... тяжелые звуки звучат в голове набатом вкупе с похоронным маршем. Дом погружается в абсолютную темноту. Но всего на мгновение. В Камине, том самом жутком произведении искусства, разгорается пламя, в свете которого я отчетливо улавливаю, как огромный глаз циклопа оживает... Ресницы трепещут, веко приподнимается, а зрачок приходит в движение, изучая пространство. И замечает меня...

Я отступаю назад, в надежде выбраться из этого жуткого места, но запинаясь о невидимую преграду и падаю. А когда поднимаюсь, понимаю, что обстановка изменилась.

Исчезли скульптуры кошек. Что..? Где они?

Делаю поворот на сто восемьдесят градусов и пораженно застываю. С двух сторон, мягкой поступью, ко мне приближаются ожившие зверюги. Жуткие в своей необычной, чужеродной красоте. Волосы на затылке зашевелились, когда слышу нарастающее утробное рычание,

а в горле пересыхает –

существа, кажется, вот-вот прыгнут на меня. Зажмуриваюсь и заслоняю голову руками, мысленно готовясь к неизбежной атаке... и вдруг все прекращается.

Проходит долгих десять секунд, прежде чем я осмеливаюсь открыть глаза. И тут же в испуге шарахаюсь назад, потому по лестнице спускается

мужчина.

Хорошо сложенное тело выше среднего роста, в сочетании с бесшумной кошачьей походкой постоянно готовой к смертельному броску, пробуждает инстинктивное чувство страха, стимулируемое флюидами опасности и риска, исходящими от него за километр. В мужской красоте есть что-то дьявольское: тонкие, но заостренные

черты лица способны в секундный срок превратить очаровательного мягкого

юношу в чертовски опасного, решительного

мужчину.

Хозяин дома останавливается в шаге от меня, позволяя разглядеть чуть смуглую кожу, сквозь которую можно разглядеть интерьер комнаты,

и неприкрытую ярость, бурлящую

в золотисто-карих глазах.

– Как ты сюда проникла?

Лимит чудес на сегодня явно превышен. Письма из другого мира, летающий ключ-указатель и странный дом... это все цветочки на фоне тех впечатлений, что обрушились на меня позднее. Но прямо сейчас я смотрю на красавчика и понимаю, что сознание все же ускользает, погружая меня во тьму. Кто бы мог подумать, что призраки умеют разговаривать.

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://litnet.com/ru/book/priglasenie-s-podvohom-b124101>